

УДК 81'42 + 821.161.1-1

**КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕ-ТЕКСТОВ ПОЭЗИИ ТИМУРА КИБИРОВА
(НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ КОНЦА 1990 –
НАЧАЛА 2010-Х ГГ.)¹**

М. В. Шишкина

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
кафедра русского языка и методики его преподавания

В статье систематизируются пре-тексты поэзии Т. Кибирова 1990 – нач. 2010-х гг. на основе таких критериев, как тип организации речи, принадлежность определенному пласту культуры, возраст адресата и др.

Ключевые слова: *пре-текст, интертекст, семантика, поэзия, дискурс.*

Поэзия Тимура Кибирова, особенно в аспекте интертекстуальности, в настоящее время интересна преимущественно литературоведам [1; 4; 7], хотя особенности взаимопроникновения и взаимодействия авторского и опорных текстов на языковом уровне, несомненно, должны привлекать внимание лингвистов.

Исследователи единодушно и справедливо подчеркивают преобладание среди пре-текстов (данный термин мы используем вслед за В. П. Москвиным, подразумевая под пре-текстом опорный текст [11]) поэзии Тимура Кибирова произведений А. С. Пушкина (не случайно Н. А. Богомолов в одном из своих трудов обозначил временные рамки рассматриваемой литературы именами этих двух поэтов [4]). Однако в данной статье нам хотелось бы предпринять попытку классификации текстов, тем или иным образом отразившихся в стихотворных произведениях Т. Кибирова последних лет. Выбор для анализа упомянутого в названии статьи временного промежутка (к. 1990-х – нач. 2010-х гг.) обусловлен своеобразием данного этапа в творчестве поэта, что отмечают и многие литературные критики, и он сам [15]. При этом отметим следующее. Очевидным является тот факт, что Т. Кибиров почти всегда иронически переосмысляет опорные тексты, поскольку ни высокая поэзия XIX – XX вв., ни советские штампы, ни песни, относящиеся к рок- или поп-культуре, не могут рассматриваться в эпоху постмодернизма в исходной тональности. В связи с этим мы сосредоточимся на семантической трансформации в поэзии Т. Кибирова узнаваемых читателем фрагментов других текстов.

Следует также остановиться на констатируемой лингвистами проблеме типологии текстов [5; 12]. Поскольку при выборе одной из существующих классификаций значительная часть исследуемого материала окажется за пределами выделенных категорий, мы предпочли использовать предложенный учеными матричный принцип систематизации текстов, при котором «текст

---

¹ Статья печатается при поддержке гранта РГНФ «Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов» (№ 13-04-00381).

попадает не в одну, а в несколько классификаций в зависимости от количества выделяемых признаков» [12, с. 63].

По форме и способу бытования пре-тексты поэзии Т. Кибирова можно разделить на: **литературные**: «Я-то все-таки живой! // Ты же – вовсе никакой! // И плевать мне, что изрек // Тронутый Мельхиседек!» (Знамя. 2002. № 6) (аллюзия на стихотворение и судьбу К. Н. Батюшкова, сошедшего с ума: «Ты знаешь, что изрек, // Прощаясь с жизнью, седой Мельхиседек?») [3, с. 240]; лексема *тронутый*, с одной стороны, снижает патетику и даже ценность опорного стихотворения, с другой – в некотором роде смягчает оценку поэта XIX в., относясь не к нему самому, а к царю Мельхиседеку, ставшему его лирическим героем); **фольклорные**, среди которых выделяются: *детские считалки*: «В общем, жили мы неплохо. // Но закончилась эпоха. // Шишел-мышел, вышел вон! // Наступил иной эон» (Знамя. 1999. № 4); *сказки*: «Вот сравнение другое, // не простое, а золотое, // вот метафора сказочно точная: // его били-били – не разбили // дед и баба // (то есть всякие объективные // социально-политические // и социокультурные // тяготы и лишения), // а мышка бежала // (ах, ты, мышка моя!), // хвостиком махнула – // оно и упало. // И разбилось» (Знамя. 2002. № 6). Пре-текстом в данном случае выступает русская сказка «Курочка-ряба»).

По типу организации художественной речи пре-тексты поэзии рассматриваемого автора можно разделить на **поэтические**: «С тобою, как с бессмертными стихами, – ни выпить, ни поцеловать!» (Знамя. 2000. № 10). Перед нами отсылка к строкам из стихотворения Н. С. Гумилёва «Шестое чувство»: «Что делать нам с бессмертными стихами? Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать» [8, с. 177]; **прозаические**: «Вот мчится по дорожке нашей узкой // жигуль-девятка. Эх, девятка-птица! // Кто выдумал тебя? Какой же русский, // какой же новый русский не стремится // заставить все на свете сторониться!» (Знамя. 1999. № 4) (ср. отрывок из поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души»: «И какой же русский не любит быстрой езды? <...> Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал?» [6]).

В последнем примере трансформация гоголевского фрагмента происходит за счет, во-первых,мены существительных, производных от числительных (*тройка лошадей* → «*девятка*» – неофициальное название автомобиля ВАЗ-2109), во-вторых, прибавления к слову *русский* определения *новый*. Эти лексические изменения не настолько серьезны, чтобы препятствовать узнаванию известного пре-текста, но в то же время концептуально значимы, поскольку превращают средство передвижения (тройка – «девятка») в знак времени, а обобщенного субъекта (новый русский) – в свойственный соответствующему историческому периоду (1990-е гг.) социальный тип.

Примечательно, что к данному отрывку из «Мертвых душ» Т. Кибиров обращается также в цикле стихотворений «Нищая нежность (По прочтении альманаха “Россия – Russia”», что полностью оправдывается избранной темой: «Дай ответ!!! Не дает ответа. // А писатель ответы дает. // И вопросов он даже не ждет. Так и так, мол! А толку все нету» (Знамя. 2000. № 10) (ср. у Н. В. Гоголя: «Русь, куда ж несёшься ты? дай ответ. Не даёт ответа» [6]). Здесь игра с опорным текстом происходит на пунктуационном уровне (три

восклицательных знака вместо одного), что повышает эмотивность текста. Т. Кибиров прибегает и к довольно экзотическому совмещению этой же гоголевской фразы с онимом, отсылающим к известному произведению М. Твена: «Русь, как Том Сойер, не дает ответа. // Должно быть, снова шалости готовит // какие-нибудь...» (Знамя. 1999. № 4). Неоднородность пре-текстов здесь приводит к рождению нового образа России (не традиционного женского, степенного, а мальчишеского, озорного), а также к новому пониманию ее «молчания» (как следствия подготовки «шалостей», то есть новых испытаний для народа).

По возрасту читателя пре-тексты, используемые Т. Кибировым, можно условно разделить на предназначенные для **взрослых**: «Иван Карамазов, вернувши билет, // В свой час отправился на тот свет» (Знамя. 2009. № 1) – аллюзия на роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», рассчитанный, разумеется, на подготовленную аудиторию (так же, как и отталкивающийся от него стихотворный текст); **детей**: «Шкодливы, как кошка, и трусливы, как заяц, // все поджидаю дедушку Мазая. // А воды прибывают и шумят, // и намочить мне лапки норовят» (Знамя. 2000. № 10) (данные строки адресуют нас к известному произведению Н. А. Некрасова «Дедушка Мазай и зайцы»); «Вот и решай, / глупенький Кай. / Вот и иди, / глупая Герда. / Там, впереди – / царствие смерти» (Знамя. 2002. № 6) (аллюзия на сказку Г. Х. Андерсена «Снежная королева»).

По отнесенности к религиозному культу / светской культуре можно выделить два вида пре-текстов поэзии Т. Кибирова: **сакральные**: «Моисеевы скрижали // мы прилежно сокращали, // мы заметно преуспели // в достиженьи этой цели» (Знамя. 2002. № 6) (отсылка на Ветхий Завет); **светские**: «Бойкий критик был, видимо, прав, // старым Ленским меня обозвав» (пре-текстом в данном случае выступает «Евгений Онегин» А.С. Пушкина).

В зависимости от принадлежности определенному культурному пространству в парадигме опорных текстов поэзии Т. Кибирова можно выделить относящиеся к **высокой культуре**: «А наша кликуша // все кличет и кличет, // осенней порой в поднебесьи курлычет, // зегзицею плачет, Есениным хнычет...» (Дружба народов. 1999. № 9) (аллюзия на «Слово о полку Игореве», возникающая за счет употребления привязанного именно к этому тексту диалектизма *зегзица*; вежами, указывающими на пре-текст, являются также «фрасыпанные» по стихотворению однокоренные лексемы *кликуша*, *кличет*, *выкликает*, *накликает* (ср. звукоподражательный глагол *кычет*, встречающийся и в «Слове...» [14], и в поэзии С. А. Есенина: «По-осеннему кычет сова...» [9]); **рок-культуре**: «Вот пухленький ведущий // программы «Смак» дает мне правильный совет // не прогибаться впредь пред миром этим злющим» (Знамя. 1999. № 4) (отсылка к тексту известной песни лидера рок-группы «Машина времени» А. Макаревича, который одно время вел кулинарную телепередачу «Смак»); **популярной культуре**: «Нет – увы, – никакой я не зайка уже // (ни в смысле Чуковского, ни, тем боле, Киркорова» (Вестник Европы. 2002. № 6) (имеется в виду песня певца Ф. Киркорова «Зайка моя»);

Здесь, видимо, следует привести небольшое стихотворение Т. Кибирова с характерным названием «Интертексты и подтексты»: «Днесь я не

Данта и Омира, // А Пугачёву и Земфиру // Цитирую в ночную тьму – // «Этот мир придуман не мною!» // «Ну пачиму-у-у-у?!» (Знамя. 2002. № 1). Центонность данного текста (свойственная, как известно, литературе постмодернизма вообще [10, с. 35]), совмещающего разнородные культурные пласты, которые означены собственными именами (при этом онимы *Дант*, *Омир* представлены теми вариантами, которые употреблялись в XIX в.), подчеркивает еще раз, что современная эпоха характеризуется эклектичностью, сосуществованием элитарной и массовой культур. В данном случае цитирование как фигура интертекста [11, с. 41] способствует выражению модуса значимого для всего произведения высказывания («Этот мир придуман не мною»), поскольку в сознании читателя при восприятии последнего стиха возникает не только строка из песни Земфиры, но и интонация, эмоция, напряжение, вложенные в этот вопрос певицей. Ориентация именно на песню, а не на ее текст, оторванный от музыки (как, скажем, в случае с рассмотренной выше отсылкой к песне А. Макаревича), подчеркивается графически: передаются свойственное литературной речи аканье и растягивание конечного гласного звука: «ну пачиму-у-у-у?!»

По принадлежности к отечественной / чужой культуре пре-тексты поэзии Т. Кибирова можно разделить на две большие группы:

русские: «Нельзя же быть настолько лживым, / пока сердца для чести живы! / Пока свободою горим – / настолько пошлым и тупым!» (Знамя. 2002. № 6). Пре-текст – стихотворение А. С. Пушкина «К Чаадаеву» – легко угадывается благодаря тому, что две его строки в неизменном виде (правда, в обратном порядке) разрывают текст Т. Кибирова); **зарубежные:** «Промахнувшись, как Акела, / Разоравшись, как Отелло, / Я застрял, как Винни-Пух! Ух!» (Знамя. 2002. № 1). Онимы отсылают нас к сборнику рассказов Р. Киплинга «Книга джунглей», трагедии В. Шекспира «Отелло», сказке А. Милна «Винни-Пух и все-все-все»).

В последнем примере совмещение стилистически разнородных персонажей обусловлено единым для них фреймом «трудная ситуация» и необходимостью описать состояние лирического героя. Отметим также закономерное для постмодернистского текста снижение трагического образа Отелло, выражающееся в использовании просторечной лексики *разоравшись*.

Вообще стилистический диссонанс, т.е. сталкивание в одном контексте книжной и грубо просторечной лексики, – это прием, к которому Т. Кибиров обращается очень часто и который обладает повышенной функциональной нагруженностью. Стилистическая окраска слов, во-первых, позволяет разграничить авторский текст и фрагмент пре-текста (при этом очевидно, что высокая лексика маркирует опорный текст, а низкая – кибировский), во-вторых, служит созданию иронии как магистральной линии творчества Т. Кибирова, в-третьих, разделяет в пределах текста культурные пространства прошлых эпох и современности. Так, программное, по признанию самого поэта, стихотворение, опубликованное в третьем номере журнала «Знамя» за 2011 г., начинается со следующих строк: «С необщим выраженьем рожи // Я скромно кланяюсь прохожим. // Но сложное понятней им. // А мы... ничем мы не блестим» (Знамя. 2011. № 3). Слово сочетание «с необщим выраженьем рожи» отсылает читателя к тексту Е. А. Баратынского «Муза», в частности к

стихам «Но поражен бывает мельком свет // Ее лица необщим выраженьем» [2, с. 90]. Здесь характерна замена стилистически нейтральной лексемы *лицо* на просторечное слово *рожа*. Прежде чем объяснить это, сделаем некоторые замечания. В метатекстовой парадигме поэзии XIX в. поэт и его творчество воспринимались как две (иногда противопоставленных) ипостаси, воплощенных соответственно в лирическом Я и мифологеме *Муза*. Стихотворение Е. А. Баратынского построено как раз на такой отстраненной характеристике своего творчества. В поэзии XX – XXI вв. субъект творческой деятельности чаще всего остается, образно говоря, в одиночестве: источник его вдохновения, как правило, не персонализируется. В связи с этим в тексте Кибирова характеризуется уже не муза, а сам поэт, отсюда и употребление самоуничижительного *рожа*. Строка из «Евгения Онегина» «А мы... ничем мы не блесим» не только является смысловым продолжением авторского текста, но и сближает стихотворения Кибирова и Баратынского на лексическом уровне (ср.: «Приманивать изысканным убором, // Игрою глаз, блестящим разговором // Ни склонности у ней, ни дара нет»). Общим для данных текстов является также противопоставление сем *простой* и *необычный*. У Баратынского оно репрезентировано с помощью лексем *простота* и *необычий*. В тексте же Кибирова сема *простой* выражена имплицитно благодаря антонимии: строка «Но сложное понятней им» подразумевает, что творчество поэта отличается простотой.

Вернемся к рассмотрению двух обозначенных выше групп опорных текстов. В поэзии Т. Кибирова встречаются произведения, в ткань которых «вшиты» резко отличающиеся друг от друга пре-тексты русской и зарубежной литературы. Как правило, к такому приему поэт прибегает для противопоставления России и Запада: «Jingle bells! В Дингли-делл мистер Пиквик спешит. // Сэм Уэллер кухарку смешит, // и спасет Ланселот королеву свою // от слепого зловещего Пью! // Ну, а в наших краях, оренбургских степях // заметает следы снежный прах. // И Петрушин возок все пути не найдет. // И Вожатый из снега встает» (Знамя. 1999. № 4). В приведенном отрывке благодаря собственным именам можно легко узнать такие пре-тексты, как «Посмертные записки Пиквикского клуба» Ч. Диккенса, роман Р. Стивенсона «Остров сокровищ», романы рыцаре Круглого стола Ланселоте и повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Здесь интересны калейдоскопичность образов первой строфы и обращение только к одному русскому пре-тексту во второй, что в определенной степени отражает динамичность западной культуры и медлительность, лежащую в основе русского характера. Использование иноязычного вкрапления «Jingle bells!», хорошо знакомого носителям русского языка по рождественской песне, служит созданию общей мажорной тональности строфы, посвященной жизни, которая происходит *там*. Эту же функцию выполняют глаголы *смешит*, *спасет*. Интересно, что активными деятелями в первой приведенной строфе являются люди, а во второй – природа, неодушевленный объект, а также субъект, который несет в себе потенциальную угрозу (так на языковом уровне отражается фаталистичность русской ментальной картины мира). Кроме того, один глагол из последнего четверостишия означает деструктивное действие (*заметает следы*), другой сопровождается частицей *не* (*не найдет*). Примечательно также использование

старославянизма *прах*, репрезентирующего сему *смерть*, прописной буквы в слове *Вожатый*, что наряду с известным сюжетом пре-текста вызывает ощущение тревоги, а также характерных для русской картины мира образов степи, снега и пути. Различия проявляются и на фонетическом уровне. Так, в первой приведенной строфе почти в два раза больше сонорных, которые отражают легкость и стремительность происходящего. Соединяют же обе строфы на уровне подтекста образы снега и пути, освобожденные от национальных коннотаций: в песне "Jingle bells" поется о катании на санях.

Таким образом, даже попытка классификации пре-текстов поэзии Т. Кибирова приводит к пониманию ее поликультурной и неоднородной природы, что связано, в свою очередь, с характеристиками сознания современного русского образованного человека, который знаком с текстами разных периодов и своей жизни, и национальной и общечеловеческой истории, высокой, низкой и массовой культуры и т.д. При этом Т. Кибиров не ограничивается установлением ассоциативной связи, а вторгается в семантику пре-текстов, оставляя в то же время неизменными их знаки (собственные имена, отсутствие перехода [э] в [о], свойственное поэтической речи XIX в., употребление архаизмов и высокой книжной лексики), поскольку целью поэта является не простая фактография и даже не ирония, а скорее расстановка определенных культурных вех в пространстве современного поэтического дискурса.

Список литературы

1. Багрецов, Д. Н. Т. Кибиров: творческая индивидуальность и проблема интертекстуальности [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Д. Н. Багрецов ; Уральск. гос. ун-т. – Екатеринбург, 2005. – 23 с.
2. Баратынский, Е. А. Стихотворения и поэмы [Текст] / Е. А. Баратынский. – Л. : Худож. литература, 1986. – 236 с.
3. Батюшков, К. Н. Полное собрание стихотворений [Текст] / К. Н. Батюшков ; вступ. ст., подгот. текста и примеч. Н. В. Фридмана. – М. ; Л. : Сов. писатель, 1964. – 355 с.
4. Богомолов, Н. А. От Пушкина до Кибирова : Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии [Текст] / Н. А. Богомолов. – М. : Нов. лит. обозрение, 2004. – 624 с.
5. Валгина, Н. С. Теория текста [Текст] : учеб. пособие / Н. С. Валгина. – М. : Изд-во МГУП «Мир книги», 1998. – 210 с.
6. Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений [Текст] : в 14 т. / Н. В. Гоголь ; АН СССР ; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937 – 1952. – Т. 6 : Мертвые души. Том первый. – М.; Л., 1951. – 924 с.
7. Гуменная, Г. Л. Пушкинская жанровая традиция в поэзии Тимура Кибирова (поэма «Сортирь») [Текст] / Г. Л. Гуменная // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2009. – № 6 (2). – С. 44–51.
8. Гумилёв, Н. С. Собрание сочинений [Текст] : в 3 т. / Н. С. Гумилёв ; сост. и коммент. И. А. Панкеева. – М. : Панорама, 2000. – Т. 1 : Стихотворения. Поэмы. – 590 с.
9. Есенин, С. А. Полное собрание сочинений [Электронный ресурс] : в 7 т. Т. 1 : Стихотворения / С. А. Есенин. – Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/esenin/texts/es1/es1-150-htm>. – Дата обращения: 10.03.2013. – Загл. с экрана.

10. Лихина, Н. Е. Актуальные проблемы современной русской литературы: Постмодернизм [Текст] : учеб. пособие / Н. Е. Лихина. –Калининград : Изд-во Кал. гос. ун-та, 1997. – 59 с.
11. Москвин, В. П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили [Текст] / В. П. Москвин.– М. : Либроком, 2013. – 168 с.
12. Олешков, М. Ю. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект [Текст] : учеб. пособие для студентов фак. рус. яз. и лит. / М. Ю. Олешков ; Нижнетагил. гос. соц.-пед. акад. – Нижний Тагил, 2006. – 146 с.
13. Пастернак, Б. Л. Полное собрание сочинений с приложениями [Текст] : в 11 т. / Б. Л. Пастернак ; предисл. Л. Флейшмана ; сост. и коммент. Е. Пастернака и Е. Пастернак. – М. : Слово, 2003. – Т. 1 : Стихотворения и поэмы, 1912–1931. – 564 с.
14. Слово о полку Игореве [Электронный ресурс]. // Русская литература и фольклор : фундамент. электрон. библиотека. – Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/slovo/trans/s67/s67-043-.htm>. – Дата обращения: 10.03.2013. – Загл. с экрана.
15. Экология литературы. Тимур Кибиров [Электронный ресурс] // Телеэфир от 20 марта 2006 г. ; телеканал Культура. – Режим доступа: <http://old.tvkultura.ru/page.html?cid=2364&p=5>. – Дата обращения: 16.03.2013. – Загл. с экрана.

**CLASSIFICATION OF PRIOR TEXTS OF TIMUR KIBIROV POETRY
(BY THE MATERIAL OF POEMS AT THE END OF 1990 –
BEGINNING OF THE 2010S)**

M. V. Shishkina

Volgograd State Social and Pedagogical University
The department of the Russian language and the methods his education

Prior texts of Timur Kibirov poetry at the end 1990 – beginning of the 2010s are systematized on the basis of different criterions, such as types of organization of literary language, belonging to the a certain type of culture, age of a recipient, etc.

Keywords: *prior text, intertext, semantics, poetry, discourse.*

Об авторах:

ШИШКИНА Мария Владимировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета (400066, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, д. 27), e-mail: shishkina-mv@yandex.ru